

УДК 94(470.47)

ПОМОЩНИКИ УЛУСНОГО ПОПЕЧИТЕЛЯ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И КАРЬЕРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Ирина Владимировна Лиджиева

доктор исторических наук,

ФГБУН Федеральный исследовательский центр

Южный научный центр Российской академии наук

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования данной статьи выступает корпус помощников улусных попечителей — чиновников среднего звена системы управления Калмыцкой степи — в период с 1867 г. по 1917 г. через призму просопографического подхода, т. е. путем анализа их карьерных стратегий. Основу источниковой базы составили формулярные о службе списки чиновников, а также делопроизводственная документация центрального и улусных управлений, выявленные в фондах ряда региональных архивов Российской Федерации. Несмотря на отсутствие четких правовых норм в имперском законодательстве, определяющих функциональные обязанности помощников, а также постоянные разъезды по степи, обширность территории, отсутствие привычной инфраструктуры желающих посвятить себя службе в инородческом управлении было немало. Но не все надолго задерживались в силу запланированного дальнейшего продвижения уже за пределами Калмыцкой степи или в результате несоответствия негласным должностным требованиям. Данная тенденция объясняет частую сменяемость кадров и их дефицит. В ходе исследования автор, определив среднюю продолжительность службы помощников попечителей в улусных управлениях, акцентирует внимание на их социальном происхождении и констатирует наличие семейственности. Корпус помощников представлял собой социальный капитал, сформированный на протяжении XIX–начала XX вв. из представителей разных сословных групп. В результате проведенного исследования выдвинутая гипотеза о взаимозависимости сословной принадлежности и семейственности подтверждается рядом фактов, наглядно ее иллюстрирующих. Обустраиваясь сами, чиновники стремились оказать помощь и своим родным, устраивая им протекцию и в дальнейшем обеспечивая их продвижение по службе.

Ключевые слова

Калмыцкая степь, инородческое управление, улусные управлении, улусная администрация, чиновники, улусный попечитель, помощники улусного попечителя, обязанности, карьерный рост, формулярный о службе список.

UDC 94(470.47)

ASSISTANTS OF THE ULUS TRUSTEE: LEGAL STATUS AND CAREER PREFERENCES

Irina Vladimirovna Lidzhieva

Doctor of Historical Sciences, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Annotation

The subject of the study of this article is the corps of assistant ulus trustees – mid-level officials of the management system of the Kalmyk steppe – in the period from 1867 to 1917 through the prism of the prosopographic approach, i.e. by analyzing their career strategies. The basis of the source base was made up of formal lists about the service of officials, as well as clerical documentation of the central and ulus departments, identified in the funds of a number of regional archives of the Russian Federation. Despite the lack of clear legal norms in imperial legislation defining the functional responsibilities of assistants, as well as constant travel across the steppe, the vastness of the territory, and the lack of familiar infrastructure, there were many who wanted to devote themselves to service in the management of small nationalities. But not everyone was delayed for long due to planned further advancement beyond the Kalmyk steppe or as a result of non-compliance with unspoken job requirements. This trend explains the frequent turnover of personnel and their shortage. In the course of the study, the author, having determined the average length of service of assistant trustees in ulus departments, focuses on their social origin and states the presence of nepotism. The corps of assistants represented social capital formed during the 19th and early 20th centuries. from representatives of different estates. As a result of the study, the hypothesis put forward about the interdependence of class and nepotism is confirmed by a number of facts that clearly illustrate it. While settling down themselves, officials sought to help their relatives, providing them with protection and further ensuring their career advancement.

Key words

Kalmyk steppe, management of small nationalities, ulus administrations, ulus administration, officials, ulus trustee, assistants of the ulus trustee, duties, career growth, service form list.

В В Е Д Е Н И Е

В соответствии с правовыми нормами «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 г. впервые в Калмыцкой степи был введен институт попечительства, пришедший на смену приставства. В каждом улусе в соответствии со штатным расписанием Калмыцкого управления при улусных попечителях предусматривалась должность их помощников. Целью данной статьи является изучение корпуса помощников улусных попечителей Калмыцкой степи Астраханской губернии в период с 1867 г. по 1917 г. через призму просопографического подхода, т. е. путем анализа их карьерных стратегий.

М А Т Е Р И А Л Ы И М Е Т О Д Ы

Основу источниковой базы исследования составили формулярные о службе списки чиновников Управления калмыцким народом, занимавших должность помощников улусных попечителей в рассматриваемый период, а также делопроизводственная документация центрального и улусных управлений, выявленная в фондах Национального архива Республики Калмыкия, Государственного архива Астраханской области и Российского государственного исторического архива.

Разработка данной проблемы основана на инструментарии социальной истории. В ходе исследования понятие «социальный капитал» рассматривается как социальный ресурс, определяющий его статус в обществе, наделенный определенными преференциями и проявляющийся посредством коммуникативных каналов, основанных прежде всего на кровнородственных отношениях. В ходе исследования была выдвинута гипотеза о взаимозависимости сословной принадлежности и семейственности, сложившейся в управленческой системе Калмыцкой степи в рассматриваемый период, что, с одной стороны, облегчало процесс адаптации и позволяло коммуницировать с автохтонным населением.

О Б С У Ж Д Е Н И Е

Корпус помощников улусных попечителей Калмыцкой степи еще не стал объектом специального научного изыскания. Отдельные личности, в разное время состоявшие в должности помощников улусных попечителей, рассматривались рядом автором, но в большей степени в контексте дальнейшей их деятельности, за пределами Калмыцкой степи. Так, М. Г. Новолетову посвящена статья Л. С. Бурчиновой (1976; 194–201). В рамках историко-биографических сведений общественно-политических и государственных деятелей Калмыкии представлены основные вехи жизненного пути С. А. Козина, А. Г. Мещерякова и Ф. И. Плюнова (Общественно-политические..., 2018). Труды последнего вышли в свет в 2016 г., предваряя их, К. Н. Максимов во вступительной статье не только провел источниковедческий анализ, но и на основе анализ формуллярного о службе списка реконструировал его служебную деятельность [Максимов, 2016: 9–17].

Несмотря на то, что Большидербетовский улус не входит в предмет исследования данной статьи, следует упомянуть труд Я. П. Дуброва, (1998), который состоял на службе в должности помощника улусного попечителя [ГА СК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 26]. Имея в своем распоряжении ежегодные статистические сведения по землепользованию и хозяйству калмыков, а также собранные им полевые материалы, он подготовил исследование, по оценке М. М. Батмаева, «наиболее ценным» описанием в котором является хозяйственно-экономическое и административное положение калмыков (1998: 6). В справочном издании «Ученые-исследователи Калмыкии (XVII–начало XX вв.)» (2006) представлены библиографические данные Я. П. Дубровы и М. Г. Новолетова.

Активная деятельность начинавшего граждансскую службу в калмыцких степях с должности помощника улусного попечителя Сергея Андреевича Козина после ликвидации попечительской системы в Калмыкии рассматривается в работах И. В. Кульганек (2010: 7–13), М. В. Мандрик и И. М. Захаровой (2010: 17–24), Ж. Урангуга и Г. Цэнджава (2014: 219–223).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В соответствии с § 4 главы 1 «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 г. улусное управление в пяти владельческих улусах Калмыцкой степи составляли нойоны — владельцы, а в двух казенных — улусные суды, улусные попечители и их помощники. Несмотря на то, что именно данный законодательный акт вводил в Калмыцкой степи институт попечительства, правовой статус помощников улусных попечителей остался вне пределов детализированного определения. Так, согласно правовой норме § 19 той же главы назначение кандидата на должность помощника попечителя производилось министерством внутренних дел по представлению астраханского военного губернатора. В главе XII, посвященной правовому статусу чиновников улусных администраций, из 34 параграфов только в двух: 189 и 203 речь идет о функциях помощников попечителей. В первом случае, попечитель мог делегировать своему помощнику проведение следственных мероприятий на месте происшествия или другие свои служебные обязанности. Во втором случае, в период отсутствия в ставке попечителя его обязанности полностью возлагались на помощника, о чем уведомлялся Совет калмыцкого управления.

Конкретизация функциональных обязанностей помощников улусных попечителей не произошла и в высочайше утвержденном 23 апреля 1847 г. «Положении об управлении калмыцким народом». Так, в соответствии с правовыми нормами § 129 главы IV «Об улусных управлениях» функция назначения на должность помощника улусного попечителя спустилась с министерского уровня на губернский. Процедура инициировалась Главным попечителем, который выдвигал кандидатуру на вакантную должность. В свою очередь ее утверждение происходило уже с согласия начальника губернии.

В соответствии с приложенным к данному законодательному акту штатом Калмыцкого управления во всех улусных администрациях вводилось всего девять мест помощников улусных попечителей, т. е. в пяти улусах — Багацохуровском,

Эркетеновском, Хошеутовском, Большедербетовском и Харахусо-Эрдниевском — по одному и в двух: Малодербетовском и Яндыко-Икизохуровском по два. Отдельно предусматривалась должность помощника попечителя в Мочагах (Высочайше утвержденный штат..., 1848: 63-65).

В результате моделирования системы управления калмыками 13 марта 1860 г. на основании императорского указа крайний западный улус Калмыцкой степи — Большедербетовский — был передан под юрисдикцию ставропольского губернатора (Порядок..., 1860: 222), что сократило количество калмыцких владельческих улусов в составе Астраханской губернии.

На основе данных, представленных в Адрес-календарях Астраханской губернии, в период с 1867 по 1917 гг. в улусных управлениях Калмыцкой степи состояли на службе 146 помощников улусных попечителей. В связи с тем, что персональные сведения чиновников, состоявших на гражданской службе, направлялись в Санкт-Петербург для представления в министерство народного просвещения ежегодно только в первом полугодии, (ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 960. Л. 1), возможно существование небольшой погрешности.

Исходя из ежегодных сведений, представленных в Адрес-календарях, самый продолжительный срок службы в должности помощника попечителя составил 12 лет и принадлежал П. А. Муликовскому, который происходил из дворянского рода Таврической губернии. Не завершив обучение в Астраханской гимназии, в феврале 1890 г. он поступил в штат астраханской Контрольной палаты канцелярским служителем. В июне 1892 г. на основании прошения его переводят на такую же должность в штат Управления калмыцким народом. В феврале 1894 г. П. А. Муликовский получил назначение на должность помощника попечителя Эркетеновского улуса, а уже в сентябре того же года — должность заведующего отдельной частью Малодербетовского улуса по реке Маныч, которая по статусу приравнивалась к попечительской. Спустя восемь лет, в 1902 г., его переводят помощником попечителя в Александровско-Багацохуровский улус, а затем в 1903 г. в Эркетеновский, и с 1904 г. по 1906 гг. его служба продолжается в Яндыко-Мочажном улусе (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 203).

Средняя продолжительность службы в должности помощника улусного попечителя равна семи годам. Рассматриваемая должность могла стать трамплином для дальнейшего карьерного роста или завершением гражданской службы. Венцом карьеры помощников попечителей в Калмыцкой степи являлась должность улусного попечителя. Так, 25 человек (17 %) из числа помощников улусных попечителей получили повышение по службе в виде назначения на должность улусного попечителя. На рисунке 1 представлен анализ социального состава указанных чиновников, который показывает, что в калмыцких степях службу в должности помощника улусного попечителя проходили выходцы из разных социальных групп.

Так, представители привилегированного дворянского сословия и разночинцы с незначительной разницей смогли добиться карьерного роста. К сожалению, определить способы приобретения дворянства оказалось сложнее. Если еще в первой половине XIX в. представители привилегированного сословия указывали свою принадлежность как «потомственный дворянин», то во второй половине без уточнений — дворянин. Закономерно, что наряду с дворянством добились повышения по службе именно разночинцы.

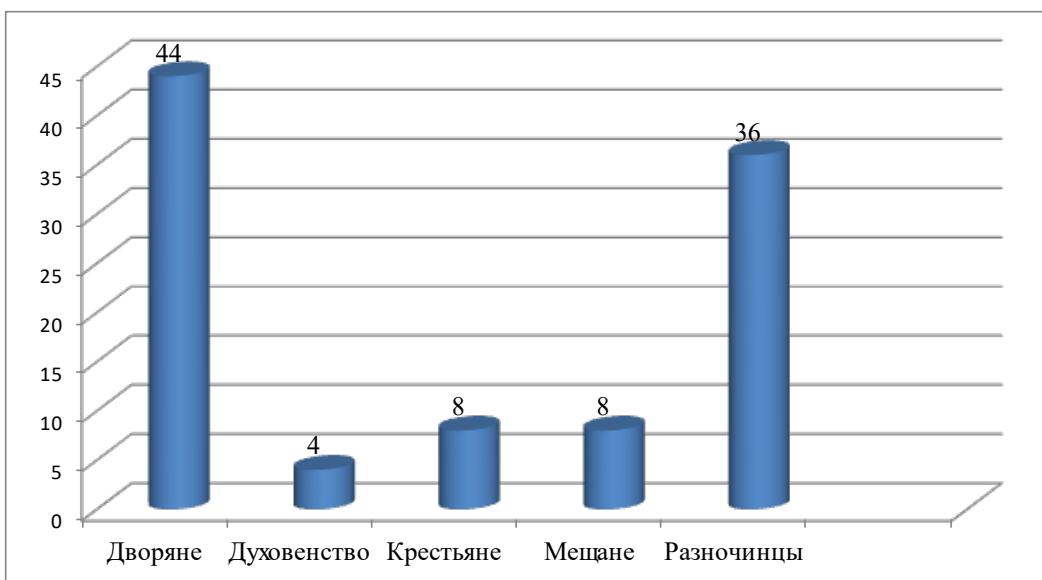

Рис. 1. Социальный состав, в %

Данная социальная группа российского общества сформировалась на протяжении XVII–XIX вв. вследствие дефицита кадров в системе государственной службы, за счет представителей различных сословий. Не принадлежа к привилегированному сословию, при этом находясь на государственной гражданской службе, они могли не только добиться роста по карьерной лестнице, но и занять авторитетное положение в обществе. Служба в инородческом обществе, находящемся на окраине империи, как нельзя лучше подходила для них. Зачастую, указывая свои персональные данные в графе «Из какого звания происходит», они отмечали: Владимир Васильевич Архангельский — «сын чиновника» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1911 г. Д. 109. Л. 2 об.), Аркадий Иванович Проскуряков — «сын титулярного советника» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 235. Л. 13 об.).

Незначительная доля среди рассматриваемых чиновников принадлежит духовенству (4 %) и мещанам (4 %), немногим более (8 %) крестьянству. Во многом это объясняется не только дефицитом кадров на окраинах империи, существовавшем на протяжении всего рассматриваемого периода, но и размыванием сословных границ. Например, мещанин Н. О. Назаров — выпускник Лазаревского института восточных языков, а представитель этого же сословия В. П. Егоров — Астраханского реального училища. Выходцы из крестьянского сословия М. Д. Ермаков и В. В. Кардаев получили образование в Сулакском народном училище (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 165) и Астраханском губернском училище соответственно (ГА АО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54137. Л. 1 об.). Кичик Эрдниев (Эрдниев) — уроженец Яндыковского улуса, калмык-простолюдин, он получил образование в Императорском Казанском университете со степенью действительного студента, что по Положению об испытаниях на ученые степени от 20 января 1819 г. давало право на чин 14 класса, а с изменениями 1822 г. — на чин 12 класса (Лиджиева, Бадмаева, 2019: 1722). Прослужив в течение трех лет в Управлении калмыцким народом, на основании ходатайства главного попечителя калмыцкого народа Н. О. Осипова и с одобрения

губернатора, генерал-майора Е. О. Янковского 7 сентября 1882 г. Кичик Эрдениев назначается помощником попечителя Яндыковского улуса (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Л. 3, 11). Но уже в марте 1883 г. подает прошение об увольнении от службы по «домашним обстоятельствам» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Д. 18). Через год, не имея семьи и хозяйства, он подает прошение о принятии его на должность переводчика (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Л. 26). Получив образование в одном из старейших учебных заведений страны, он наверняка не встречал трудностей по службе. Следует предположить, что проблема заключалась в частых разъездах, сопряженных с функциями помощника, а он не отличался крепким здоровьем. 27 ноября 1887 г. в Управление калмыцким народом поступило сообщение о смерти Кичика Эрдениева.

Местная администрация в условиях нехватки кадров стремилась использовать способности и знания калмыка, направив ходатайство о назначении его на должность правителя Яндыковского улуса (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4 Д. 497. Л. 40). Несмотря на отсутствие возражений со стороны астраханского губернатора министерство государственных имуществ не признало возможным назначение титулярного советника Кичика Эрдениева, так как «правители казенных улусов могут быть назначаемы только из рода зайсангов или владельцев» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Л. 43-43 об.). Еще в 1863 г. в ответ на предложение главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова об изменении § 47 «Положения об управлении калмыцким народом» 1847 г., касающегося назначения правителей в казенных улусах, губернатор А. П. Дегай пишет: «я нахожу, что для Правительства необходимо иметь в них доверие, по важному значению в улусах звания Правителя» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 139. Л. 1). Имперское законодательство не предусматривало активного карьерного роста представителей непривилегированного инородческого населения.

Отсутствие привычных условий в улусах не становились препятствием для отдельной категории чиновников, которые изъявляли желание проходить службу именно в улусных управлениях. Например, в 1884 г. Лавр Владиславович Бялоболецкий после двух лет службы по должности столоначальника 2-го стола Управления калмыцким народом, т. е. проживая в губернском центре, обращается с прошением о переводе на вакантное место помощника попечителя Яндыковского улуса, где пропортился на протяжении пяти лет (Памятная книжка..., 1882: 34). В 1892 г. начальник Черноярской уездной тюрьмы, губернский секретарь Н. Н. Мергасов в своем прошении на имя Главного попечителя калмыцкого народа пишет: «Осведомясь, что в настоящее время по вверенному Вашему Превосходительству Управлению имеется вакантная должность Помощника Попечителя одного из улусов калмыцкой степи и, желая занять таковую ...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 788. Л. 2). В феврале 1911 г. только окончивший Императорский Томский университет С. С.-Г. Нуралиханов отмечая, что «желает посвятить себя службе в Калмыцкой степи», обращается к заведующему калмыцким народом о назначении его на должность помощника улусного попечителя (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 217. Л. 2).

Помощники улусных попечителей Ф. И. Плюнов (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414) и В. В. Кардаев (ГА АО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54137) в ходе своего продвижения по службе получили назначение в Главное управление калмыцким народом, однако спустя короткое время подали прошение о переводе на прежние должности в улусные управлении.

Другая тенденция заключалась в том, что родители, состоя на службе по Управлению калмыцким народом, стремились пристроить и своих детей. Так, например, около года продолжалась служба в качестве помощника улусного попечителя Яндыко-Мочажного улуса Сергея Моисеевича Новолетова, отец которого Моисей Григорьевич. Родственные отношения среди чиновников Управления калмыцким народом являлись скорее правилом, чем исключением.

Моисей Григорьевич Новолетов внес несомненный вклад в развитие и сохранение исторической памяти калмыцкого народа. За свою более чем 40-летнюю службу в Калмыцкой степи М. Г. Новолетов не раз был отмечен различными наградами: орден св. Станислава 2 и 3 степеней, св. Анны 3 степени (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 53. Л. 95). Уроженец Астраханской губернии в 20-летнем возрасте, не окончив полного курса духовной семинарии, поступил на службу в астраханское губернское правление в число канцеляристов. Уже спустя три года, в 1857 г., подал прошение на имя Главного попечителя калмыцкого народа о переводе в Хошеутовское улусное управление писцом, которое было удовлетворено (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об. — 2). В последующем, на протяжении шести лет, занимая должность помощника попечителя, он попеременно служил в Багацохуровском, Яндыко-Мочажном, Малодербетовском улусах и на Маныче. Во время службы в Малодербетовском улусе Моисей Григорьевич снискал авторитет не только у владельца, но заслужил уважение простого народа, о чем свидетельствует преподнесенный в дар ему серебряный поднос. По краям лицевой части прямоугольной формы подноса сделана гравировка: «В подарок от калмыцкого общества Моисею Григорьевичу Новолетову. 1882 г. Октября 5 дня» (рис. 2) (НМ РК. КП — 2612. МТ — 595. СБ — 259).

Рис. 2. Подарок М. Г. Новолетову от калмыков

По приказу Главного попечителя от 10 мая 1866 г. и на основании прошения М. Г. Новолетов переводится на должность чиновника особых поручений по хозяйственному отделению. Но и здесь его служебная деятельность была неразрывно связана с Калмыцкой степью. Выполняя поручения астраханской палаты государственных имуществ и Главного попечителя калмыцкого народа, М. Г. Новолетов провел ревизию всех калмыцких хурулов и составил проект о необходимых преобразованиях в быту духовенства; принимал участие в составлении семейных списков; исправлял должность попечителя в ряде улусов; являлся членом комиссий об отбывании подводной повинности калмыками, а также для обсуждения вопроса и заготовке продуктов для раздачи беднейшим калмыкам (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 185. Л. 47-55).

Исполняя предписание управления государственными имуществами, Новолетов на практике отработал собственную концепцию работы с архивными документами, что способствовало его назначению в 1867 г. на должность руководителя комиссии по архивным делам Управления. Основным принципом систематизации значительного делопроизводственного массива, предложенного М. Г. Новолетовым, стало историческое значение документа. Так, в докладе от 22 февраля 1867 г. на имя Главного попечителя К. И. Костенкова он подчеркивает необходимость сбора и сохранения сведений, касающихся истории калмыцкого народа с момента вступления в российское подданство «каковой предмет почти еще не разобран и важен потому более, что в самом народе не имеется никаких данных» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 127. Л. 1). В соответствии с таким подходом, который, несомненно, способствовал сохранению уникальных свидетельств истории калмыцкого народа, дела классифицировались на два отдела: исторический, включавший дела с 1708 по 1836 гг., и современный, последний разделен на три категории: постоянного хранения, временного хранения, подлежащие уничтожению (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 94. Л. 13). Выявленные и накопленные в течение более десяти лет документы стали основой источниковой базы исследования М. Г. Новолетова по истории калмыцкого народа, изданного при поддержке владельца Малодербетовского улуса Ц.-Д. Тундугтова (Калмыки, 1884).

В первую категорию входили все дела, не содержащие исторических сведений, коим составлялась обыкновенная хронологическая опись. В случае же наличия в деле материала, представляющего ценность, предлагалось дело заносить в отдельный аннотированный каталог с указанием года, номера дела и связки. Вторую категорию составили материалы из дел, подлежащих уничтожению, и, как указывал М. Г. Новолетов, «таковой документ вырывать, заносить также содержание их в исторический каталог и подшивать отдельно» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 127. Л. 1 об.). Как и предполагал Моисей Григорьевич, впоследствии будут образованы целые тома, содержащие ценную информацию по истории калмыков.

Болеслав Станислович Бялецкий — выходец из Виленской губернии, дворянин по происхождению, выпускник Санкт-Петербургского лесного и межевого института, по окончанию которого направлен на службу в Астраханскую губернию на должность лесничего. С 1859 г. исполнял обязанности ученого лесничего при Главном попечителе калмыцкого народа и заведовал таксационной партией по устройству казенных лесов, а в 1867 г. он назначается на должность лесного ревизора на правах губернского лесничего. За добросовестную службу Б. С. Бялецкий неоднократно

поощрялся денежными премиями, а также был удостоен светло-бронзовой медали в память войны 1852-1856 гг. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 765. Л. 18-25 об.). Однако несмотря на свою блестящую карьеру в губернском центре он выхлопотал своему сыну Вячеславу направление на службу в Калмыцкую степь помощником попечителя Яндыко-Мочажного улуса. Большое семейство Вячеслава Болеславовича, состоящее из жены и семи сыновей, сопровождало главу семьи во время его службы и в Эркетеновском, и в Александровском, и Яндыко-Мочажном улусах (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 765. Л. 43 об.).

На протяжении всего рассматриваемого периода в родственных отношениях состояли помощники улусных попечителей: отец и сын — Кирковы Николай Никитович и Сергей Николаевич; Овечкины Михаил Ильич и Владимир Михайлович; братья — Шелеховы Николай Степанович и Федор Степанович; Скибневские Аркадий Петрович и Леонид Петрович; Богдановы Павел Иванович и Григорий Иванович; Проскуряковы Аркадий Иванович и Илья Иванович.

Семейственность и протекция выступают характерными признаками чиновничества инородческих управлений, что обусловлено двумя факторами: прежде всего, объективным — дефицит кадров, а также субъективным — маргинализация социальной группы за счет притока недворян в дворянское сословие. Безусловно, имели место и случаи, когда чиновника в силу способностей продвигало по службе руководство. В этом случае применимо определение И. Т. Шатохина, обозначающее ситуацию, когда в интересах дела лицо, обладавшее определенными полномочиями или лоббистскими возможностями, продвигало по службе перспективных и честных чиновников альтруистической протекцией (2013: 115). Ярким примером подобного продвижения может служить служебный путь М. И. Овечкина. Сын состоявшего на службе в Калмыцкой степи переводчика И. Г. Овечкина, воспитанника Ярославского Дома призрения, освоившего калмыцкий язык при школе медицинского ведомства в Санкт-Петербурге. В его формулярном о службе списке, в графе о социальном происхождении указано: «из незаконнорожденных детей» (НА РК. Ф. И-1. Оп. 1 Д. 108. Л. 347 об.). В феврале 1875 г. астраханский губернатор Н. Н. Биппен на основании ходатайства главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова просит министра государственных имуществ А. А. Зеленого об определении помощника пристава 6 участка г. Астрахани, коллежского регистратора Михаила Овечкина на открывающуюся вакансию помощника попечителя Мочагов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 431. Л. 5). В 1887 г. директор Департамента общих дел министерства государственных имуществ барон Н. Н. Медем в письме на имя главного попечителя калмыцкого народа А. Г. Кандибы под грифом «конфиденциально» просит высказать «откровенное мнение, не признаете ли Вы Овечкина способным занять с пользою должность попечителя» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 431. Л. 21). В 1893 г. главный попечитель калмыцкого народа В. А. Башкиров в связи с отставкой помощника главного попечителя В. М. Канакотина ходатайствует о назначении на эту должность попечителя Эркетеновского улуса, надворного советника М. И. Овечкина, прослужившего в Калмыцкой степи в общей сложности 18 лет (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 431. Л. 34-34 об.). Династия Овечкиных в инородческом управлении Калмыцкой степи продолжится в 1909 г., с назначением на должность помощника попечителя Малодербетовского улуса Владимира Михайловича Овечкина.

Находясь на окраине империи и управляя инородческим населением, выходцы из разных непривилегированных сословий формировали свое собственное привилегированное общество, стремясь обеспечить карьерный рост своих детей и родственников.

Дефицит кадров зачастую приводил к замещению должностей улусных попечителей их помощниками, которые не всегда соответствовали должностным требованиям. Губернатор М. А. Газенкампф 17 апреля 1903 г., направив ходатайство в Земский отдел МВД о перемещении одного попечителя на место другого, обосновывал важность кадровых перестановок грядущими «сложными и спешными работами в улусах». В текущем году, по его утверждению, предстояло с 1 мая организовать поставку лошадей в войска и с 1 июня провести перепись скота для установления размера казенного сбора.

Рисунок 3. Михаил Дмитриевич Ермаков
с супругой Антониной Степановной (урожденной Зиновьевой).
[Из семейного архива праправнучки А. М. Никитиной].

При таких масштабных задачах сохранение вакансий должностей улусных попечителей или их замещение помощниками могли иметь последствия. Так, деятельность М. Д. Ермакова в Малодербетовском улусе, по мнению губернатора, «человека молодого и малоопытного», могла привести к «большой запущенности делопроизводства» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 449. Л. 7).

До получения назначения в Калмыцкую степь М. Д. Ермаков, происходивший из крестьян Самарской губернии, после окончания Сулакского начального народного училища служил в Царевском уезде сначала полицейским надзирателем, затем становым приставом. В январе 1901 г. получил назначение на должность помощника попечителя в Малодербетовский улус. Последующая его служебная деятельность протекала в этой же должности в Яндыко-Мочажном и Александровском улусах, где он нередко временно исполнял функции улусного попечителя. Однако постоянного назначения на эту должность он так и не получил (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 165. Л. 68-73 об.). На рисунке 3 представлена фотография, любезно предоставленная из семейного архива правнучкой М. Д. Ермакова Анастасией Михайловной Никитиной.

Имел место и то, что вне зависимости от социального происхождения, зачастую прослужив длительный срок в улусном управлении, многие из них уходили на пенсию или, не выдержав, обращались с прошением о переводе, или уходили в отставку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, корпус помощников улусных попечителей Калмыцкой степи в период с 1867 по 1917 гг. представлял собой социальный капитал, сформированный на протяжении XIX–начала XX вв. из представителей разных сословных групп. Обширный круг функциональных обязанностей помощников улусных попечителей, не оговоренных законодателем в основных нормативных правовых актах, регулирующих управлеченческий процесс в Калмыцкой степи, не останавливал кандидатов желающих добиться карьерного роста. Несмотря на полное отсутствие комфорта в общепринятом понимании именно улусные управления служили для многих из них трамплином в дальнейшем продвижении по службе. Обустраиваясь сами, чиновники стремились оказать помощь и своим родным, устраивая им протекцию и в дальнейшем обеспечивая их продвижение по службе.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Литература

Батмаев, М. М. (1998). Предисловие / Дуброва Я. П. *Быт калмыков Ставропольской губернии*. Элиста: Калм. кн. изд-во.

Бурчинова, Л. С. (1976). Новолетов. К 140-летию со дня рождения. *Вестник КНИИЯЛИ*. 15. 194–201.

Высочайше утвержденный штат по управлению калмыцким народом (1848). ПСЗ РИ–2. Т. XXII. Ч. 2. К № 24144. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Государственный архив Астраханской области (*ГА АО*).

Государственный архив Ставропольского края (*ГА СК*).

Дуброва, Я. П. (1998). *Быт калмыков Ставропольской губернии*. Элиста: Калм. кн. изд-во.

Кульганек, И. В. (2010). С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества. *MONGOLICA*. 9. 7–13.

Лиджиева, И. В., Бадмаева, Е. Н. (2019). Толмачи-калмыки на государственной службе Российской империи: социальный статус и пределы карьерного роста. *Былые годы*. 4 (54). 1716–1725.

Максимов, К. Н. (2016). О Федоре Ивановиче Плюнове. *Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг.* Сост. И. В. Лиджиева, М. И. Кичеева. Элиста: КИГИ РАН.

Мандрик, М. В., Захарова, И. М. (2010). К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию. *MONGOLICA*. 9. 17–24.

Национальный архив Республики Калмыкия (*НА РК*).

Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (*НМ РК*).

Калмыки. Исторический очерк (1884). Сост. М. Г. Новолетов. Издание владельца Малодербетовского улуса Нойона Церен-Давида Тундутова. СПб.: тип. В. Демакова.

Общественно-политические и государственные деятели Калмыкии XX в. (2018). Сост. К. Н. Максимов, Р. Б. Боликова, Э. А. Илюмжинова. Псков: Псковское возрождение.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1882 год. (1882). Астрахань: Губернская типография.

Порядок заведывания кочующими в Ставропольской губернии калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями (1860). ПСЗ РИ–2. Т. XXXV. № 35556. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Предисловие (1998). Дуброва Я. П. *Быт калмыков Ставропольской губернии*. Элиста: Калм. кн. изд-во.

Российский государственный исторический архив (*РГИА*).

Семейный архив Анастасии Михайловны Никитиной (*СА*).

Урангуа, Ж., Цэнджав, Г. (2014). К вопросу о деятельности русского финансового советника при Монгольском правительстве С. А. Козина (1914–1916 гг.). *Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука*. Иркутск: Байкальский гос. ун-т. 219–223.

Ученые-исследователи Калмыкии (XVII–начало XX вв.) (2006) / Библиографический указатель. Сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. из-во.

Шатохин, И. Т. (2013). Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX–начала XX вв.: социально-психологическая классификация. *Via in tempore. История. Политология*. 2012, 13 (132). 113–117.

References

Batmaev, M. M. (1998). Preface. *Dubrova Ya. P. Life of the Kalmyks of the Stavropol province*. Elista: Kalm. book publishing house (in Russian).

- Burchinova, L. S. (1976). Novoletov. To the 140th anniversary of his birth. *Bulletin of KNIIYALI*. 15. 194–201 (in Russian).
- The highest approved staff for the management of the Kalmyk people (1848). *PSZ RI-2*. T. XXII. Part 2. To No. 24144. St. Petersburg: Type. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery (in Russian).
- State Archives of the Astrakhan Region (*GA AO*).
- State Archive of the Stavropol Territory (*GA SK*).
- Dubrova Y. P. (1998). *Life of the Kalmyks of the Stavropol province*. Elista: Kalm. book publishing house (in Russian).
- Kulganek, I. V. (2010). S. A. Kozin: unknown pages of biography and scientific creativity. *MONGOLICA*. 9. 7–13 (in Russian).
- Lidzhieva, I. V., Badmaeva, E. N. (2019). Kalmyk interpreters in the civil service of the Russian Empire: social status and limits of career growth. *Bylye gody*. 4 (54). 1716–1725 (in Russian).
- Maksimov, K. N. (2016). About Fedor Ivanovich Plyunov. *Kalmyk people and the October Revolution. 1919–1924*. Comp. I. V. Lidzhieva, M. I. Kicheeva. Elista: KIGI RAS (in Russian).
- Mandrik, M. V., Zakharova, I. M. (2010). To the history of appointment to the position of adviser: S. A. Kozin on the way to Mongolia. *MONGOLICA*. 9. 17–24 (in Russian).
- National Archive of the Republic of Kalmykia (*NA RK*).
- National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmova (*NM RK*).
- Kalmyks. Historical sketch* (1884). Comp. M. G. Novoletov. Publication by the owner of the Maloderbetovsky ulus, Noyon Tseren-David Tundutov. SPb.: type. V. Demakova (in Russian).
- Social, political and government figures of Kalmykia of the 20th century*. (2018). Comp. K. N. Maksimov, R. B. Bolikova, E. A. Ilyumzhinova. Pskov: Pskov Revival (in Russian).
- Memorial book of the Astrakhan province for 1882* (1882). Astrakhan: Provincial Printing House (in Russian).
- The procedure for managing Kalmyks wandering in the Stavropol province, and about the new border line between the Stavropol and Astrakhan provinces (1860). *PSZ RI-2*. T. XXXV. No. 35556. St. Petersburg: Typ. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery (in Russian).
- Preface* (1998). Dubrova Ya. P. Life of the Kalmyks of the Stavropol province. Elista: Kalm. book publishing house (in Russian).
- Russian State Historical Archive (*RGIA*).
- Family archive of Anastasia Mikhailovna Nikitina (*SA*).
- Urangua, J., Tsenjav, G. (2014). On the issue of the activities of the Russian financial adviser to the Mongolian government S. A. Kozin (1914–1916). *Russia and Mongolia at the beginning of the 20th century: diplomacy, economics, science*. Irkutsk: Baikal State. univ. 219–223 (in Russian).
- Research scientists of Kalmykia (XVII–early XX centuries)* (2006) / Bibliographic index. Comp. P. E. Alekseeva, L. Yu. Lantsanova. Elista: Kalm. book publishing house (in Russian).
- Shatokhin, I. T. (2013). Patronage among the bureaucrats of the Russian Empire in the second half of the 19th–early 20th centuries: socio-psychological classification. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 2012, 13 (132). 113–117 (in Russian).